

Меньшикова Анна Андреевна

ТРАДИЦИИ РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ В ТВОРЧЕСТВЕ В. А. ЖУКОВСКОГО

В статье рассматриваются традиции христианской религиозной философии и культуры в творчестве В. А. Жуковского. Исследование творчества Жуковского проводится с целью выявления культурных и исторических традиций русской литературы и поэзии, истоков сентиментализма и романтизма. Традиции христианской культуры оказали значительное влияние на творчество Жуковского. В его произведениях христианская религиозная философия занимает три уровня текста - уровень идей и философии, собственно художественный и мифопоэтический.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/8-3/38.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 8 (50): в 3-х ч. Ч. III. С. 135-138. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/8-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 821.161.1(-1)

Филологические науки

В статье рассматриваются традиции христианской религиозной философии и культуры в творчестве В. А. Жуковского. Исследование творчества Жуковского проводится с целью выявления культурных и исторических традиций русской литературы и поэзии, истоков сентиментализма и романтизма. Традиции христианской культуры оказали значительное влияние на творчество Жуковского. В его произведениях христианская религиозная философия занимает три уровня текста – уровень идей и философии, собственно художественный и мифопоэтический.

Ключевые слова и фразы: религиозная философия; христианская культура; традиции; творчество поэта; жанры; поэтика; уровни в тексте.

Меньшикова Анна Андреевна

*Национальный исследовательский Томский государственный университет
menanna1366@yandex.ru*

ТРАДИЦИИ РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ В ТВОРЧЕСТВЕ В. А. ЖУКОВСКОГО[©]

Творческое наследие В. А. Жуковского привлекает к себе внимание ученых как явление культуры и истории, характеризующееся разнообразием и художественной насыщенностью поэтики текстов, эстетической спецификой жанров, зарождением и развитием романтизма. Оно включает в себя соприкасающиеся с мотивами религиозной философии ранние прозаические отрывки сентиментального содержания, в числе которых «Мысли при гробнице» [10, с. 23-24] 1797 г. публикации, «Мысли на кладбище» 1799 г. [Там же, с. 41], «К надежде» 1799 г. [Там же, с. 40], «Чувства отца на гробе сына» [Там же, с. 359-360], «Жизнь и источник» 1798 г. [Там же, с. 26-27], включая переводы из произведений и статей французских авторов, также воплощающих в своих сочинениях идеи религиозной философии (например, «Гений христианства» Ф. Р. Шатобриана [Там же, с. 387]), «Потоп» 1805-1806 гг. [Там же, с. 361-362], «Затмение солнца в Перу» [Там же, с. 371-372], «Извержение вулкана» [Там же, с. 374-375], «Первый человек в первые минуты бытия своего» [Там же, с. 377-379] и др., переведенные им поэмы «Наль и Дамаянти» [9, с. 96-116], «Одиссея» [Там же], отрывки из «Илиады» [Там же, с. 348-372] и др., баллады «Светлана» [8, с. 31-38] 1811 г., «Пустынник» [Там же, с. 20-25] 1812 г., «Адельстан» [Там же, с. 25-31] 1813 г., «Варвик» [Там же, с. 45-50] 1814 г., «Баллада, в которой описывается, как одна старушка ехала на черном коне, и кто сидел впереди» [Там же, с. 50-56] 1814-1831 гг., «Покаяние» [Там же, с. 188-195], «Суд Божий над епископом» [Там же, с. 176-178] 1831 г. и др.

Творчество Жуковского изучали в соответствии с рядом традиционно разграниченных в литературоведении областей – поэтики, проблемы жанра, философии, литературных традиций творчества. Перспективным направлением в изучении произведений Жуковского является исследование его переводов и традиций религиозной культуры. Этому вопросу посвящены исследования Ф. З. Кануновой [11; 12] и Айзиковой И. А. [1; 2].

Проблема изучения религиозной философии в целом и христианской философии в частности связана с рассмотрением ее воплощения в текстах. В этом отношении показательно творчество Жуковского, переведившего на русский язык «ключевой текст» [13, с. 202] христианства – Библию [1; 2; 11; 12], так как оно позволяет проследить эволюцию и переходность процессов культуры в истории русской литературы в пределах изучения сочинений одного автора. Художественный мир Жуковского, как и поэтика в широком смысле, обладает национальной спецификой. Таким образом, проблема изучения религиозной философии связана с изучением поэтики текстов, взаимоотношением философии и национальных традиций.

Христианская философия пронизывает самые разные жанры, к которым обращается Жуковский (описательные заметки, стихотворения, лирические песни, баллады «Адельстан» [8, с. 25-31], «Варвик» [Там же, с. 45-50] и др.). Религиозная философия является одним из источников становления творческой личности Жуковского и поэтики текстов, наполняя жанры новыми философскими идеями, совмещенными с обновленным культурным контекстом и представленными в поэтике произведений (сюжетами из жизни и быта иных народов, описаниями других стран, медитативностью, гимнами, античными сюжетами, сценами из человеческой жизни и др.). Религиозная философия наполняет их дидактическим пафосом и обращается к исторически сложившемуся контексту, способствуя его воссозданию в поэтике, сюжетах и пейзажах произведений Жуковского.

Воплощение религиозной философии и соответствующих мотивов в сочинениях Жуковского многообразно и разнообразно. Стилистический и дискурсивный подход к текстологическому исследованию позволяет выделить три контекстуальных уровня существования религиозной философии в текстах Жуковского (приводятся далее в тексте статьи по мере последовательного изучения текста произведений с позиции ретроспективного взгляда аналитика).

Первый уровень относится к «внешнему» плану (воспринятых и сформулированных далее в авторских текстах идей) религиозной философии в творчестве Жуковского и включает в себя круг его интересов

и религиозную философию, воплощенную в сочинениях с позиции традиционной рецепции его произведений читателем. Это уровень идей. Он проявляется наиболее отчетливо в переводе как форме рецепции, в частности, переводе библейских текстов, осуществленном Жуковским, а также в его ранних прозаических переводах сочинений на религиозную тематику (отрывки из «Гения христианства» Шатобриана и др. [10, с. 361-384]), в обращении к произведениям теологов (его переводы из поэмы «Потерянный рай» Дж. Мильтона [9, с. 293], «Гимна» [6, с. 122-125] из «Времен года» Дж. Томсона), в поэзии (два стихотворения «Добродетель», датированных 1798 г. [Там же, с. 25-29]). Описанные и изложенные в этих произведениях картины и размышления подчинены доминирующей идее торжества вошедших в традицию идеалов христианства и сопутствующих им стереотипов (о превосходстве добродетели, о вечной жизни).

Два ранних стихотворения Жуковского с одним названием «Добродетель» посвящены одной из главных христианских дидактических и моралистических категорий – добродетели, представленной в стихотворении в универсальном смысле. Это свидетельствует об особом внимании молодого поэта к темам нравственного совершенствования. Христианская религиозная философия объединяет в этих произведениях признаки двух считающихся различными и признанными художественными направлениями в искусстве явлений культуры – сентиментализма и романтизма. Вместе с тем, она наделяет нравоучительную (собственно христианскую) основу сентиментализма закрепившейся за романтизмом универсальностью темы и ее выражения, а также характеризующий романтизм и родственной лироэпосу жанр оды, усиливая в нем черты, традиционно относимые к сентиментализму (идею равенства и равноправия людей, поэтику чувств). Таким образом, оба направления в творчестве Жуковского продолжают единую культурную традицию христианской религиозной философии и идеалов ее культуры. «Добродетели» являются примером наследования христианской традиции «высокими» жанрами. Христианская религиозная философия этих произведений сопутствует явлению центрального персонажа, описывающего мир средневековой готики, оссианических и готических пейзажей: «Под звездным кровом тихой ночи, / При свете бледных луны, / В тени ветвистых кипарисов, / Брожу меж множества гробов...» [Там же, с. 25].

В одном из стихотворений «Добродетель» лирический (лироэпический) герой подобен аскету, предающемуся раздумьям, уединившись на лоне природы. Христианская философия произведения сочетается с описанием погруженного в атмосферу смерти мира «высокой» культуры, соответствующей жанру стихотворения. Созерцатель «высоких» памятников приходит к выводу: «Порфир надгробий не являет / Душевных истинных красот» [Там же]. Вопросы из монолога героя стихотворения выполняют двойственную функцию: выражают универсальную философскую мировоззренческую истину о бренности всего земного и тщетности существования и обращения к читателю. Жуковский создает философскую оду и обращается к аудитории как проповедник христианской культуры отрешенности, свободы и равенства, духовной независимости, гуманизма, величия духа и моральных ценностей, вечности бытия. Первый уровень явления религиозной философии в этом стихотворении подчеркивают риторические обращения и прокламация вечных истин, излагающаяся на протяжении всего монолога.

В стихотворение помещен символический антропоморфный персонажизированный образ времени и разрушения – Сатурна. Этот образ переводит идею неизбежности смерти и разрушения к готическим пейзажам руин, продолжая соответствующую традицию в конце XVIII в. Христианская религиозная философия в этом стихотворении дополняется изложением картины Апокалипсиса и Страшного суда, также относящая традиции «высоких» жанров к христианской: «Исчезнут тщетны украшения, / Когда застонет вся земля, / Как заревут ужасны громы, / Падет, разрушится сей мир. / И тени их тогда не будет, / И самый прах их пропадет. / Все, все развеется, погибнет. / Как пыль, как дым, как тень, как сон <...> Тогда останутся нетленны / Одни лишь добрые дела. / Ничто не может их разрушить, / Ничто не может их затмить. / Пред Богом нас они прославят, / В одежде правды облечат; / Тогда мы с радостью явимся / Пред трон всевышнего Творца» [Там же, с. 26-27].

В другом стихотворении с тем же названием [Там же, с. 27] средствами описательной поэтики излагается христианский космогонический миф, в котором центральным персонажем является олицетворенная добродетель. Лирический герой этого стихотворения стоит на страже христианских идеалов: «Кто правды, честности уставы / В течение дней своих блюдет, / Тот к счастью обретет путь правый <...> Среди он бедствий не погибнет, / В гоненье рока он возникнет, / Его перун не устршит. / Когда и смерть к нему явится, / То дух его возвеселится, / К блаженству спешно полетит» [Там же, с. 29]. В его интерпретации нормы морали предстают опять же незыблемыми истинами, возведенными в категорию универсализма «высокой» философии. Первый уровень философии в этом стихотворении проявляется в тематике и основной идее – всегда оставаться истинным христианином.

Незыблемость основ христианской культуры и монархии сближает «высокие» стихотворные жанры с христианской тематикой. Поэтому первый уровень проявления христианской философии соотносится с одами и посвящениями, к которым относится «Ода. Благоденствие России, устроенное ея Самодержцем Павлом Первым» 1797 г. [Там же, с. 21-24]. В этом стихотворении Жуковский проводит ставшие традиционными соответствующие аналогии с категориями христианской культуры через эпитеты, метафоры и сравнения, называя Россию «блаженной» [Там же, с. 21], превознося Павла I: «творящий чудеса <...> Кто долу мир с небес низводит <...> То Павел¹, Ангел мой хранитель...» [Там же, с. 21-22]. «Внешний» уровень проникновения религиозной философии в этом произведении обращен к историческому контексту взаимодействия и взаимозависимости монархии и христианской церкви. Павел наречен в оде: «Владыка, Пастырь, Иерарх» [Там же, с. 22]. Границы между гимном Богу и одой монарху стираются, становясь основной идеей произведения – прослав-

¹ Здесь и далее в тексте курсив редактора – прим. авт.

ления божественной сущности монарха и его власти: «Великий Павел, будто Бог <...> Блестящим служит балдахин / Ему святой его закон» [Там же]. Жуковский не забывает о моралистическом идеале образа правителя, придавая добродетели и просвещению первостепенное значение в христианской культуре: «Есть скиптр – *кротость*, а держава / Есть *благо* подданных его. Венец *премудрость* составляет <...> Его чертог есть храм священный, / Храм *правосудия, любви*» [Там же]. Соответственно, первый уровень христианской философии относится к контексту наиболее фундаментальных и популярных понятий и категорий христианской религиозной культуры, которая становится основой идиоматических истин философии в других посвящениях Жуковского: «Дела благие – вечно живы; / Плоды их зреют в небесах» [Там же, с. 35].

Первый уровень религиозной философии семантически соприкасается с произведениями жанровой тематики соответствующей христианской культуре, к которым относится также трижды переведенная Жуковским «Элегия, написанная на сельском кладбище» Т. Грея [6, с. 53-57; 7, с. 314-317].

Второй уровень религиозной философии в произведениях Жуковского связан с мастерством его индивидуального творчества. Это уровень осознанной работы автора с религиозной философией. Мировоззренческая основа Жуковского на этом уровне сочетается с поэтикой произведения. Религиозная философия на этом уровне присутствует непосредственно в самом тексте авторского произведения, его изложенном содержании, проявляясь на границе художественного воссоздания мотивов религиозной философии в конкретном произведении. В стихотворении 1797 г. «Майское утро» лирический герой так описывает состояние морального очищения: «Пад пред Всевышним, / Пламень сердечный / Мы излием» [6, с. 19]. На втором уровне религиозная философия приобретает специфическое авторское звучание, наделяется новыми, связанными в большинстве случаев с искусством или жизненной тематикой, смыслами, то есть претерпевает мутации. Здесь раскрывается внутренняя сущность автора, образ христианина, интимная сторона его христианского мировоззрения. Общепринято и наиболее емко это выражается в установленной А. Н. Веселовским концепции поэтики чувства и «сердечного воображения» [3], неосознанно основанной на христианской культуре. Ветхозаветная традиция [4] в творчестве Жуковского претерпевает существенные изменения, становясь элементом христианской куртуазной культуры. Мотивы древней культуры и исторических хроник в романтической поэзии переосмыслены в свете высокой духовности и идеалов средневековой европейской цивилизации.

Третий уровень текста, к которому относится религиозная философия – мифопоэтический. Элементы христианской философии располагаются на нем в качестве исторически закрепившейся традиции, часто заключают в себе лингвистические и фразеологические клише, сформировавшиеся под влиянием поэтики и мифологических мотивов. В стихотворении «Майское утро» [6, с. 19-20] засвидетельствован мифологический мотив плавания на далекие райские острова – избавление от бренности земного мира: «Жизнь, мой друг, бездна / Слез и страданий... / Счастлив стократ / Тот, кто достигнув / Мирного берега, / Вечным спит сном» [Там же, с. 20]. Мифологический образ далеких берегов упоминается Жуковским в послании «К К. М. С<оковниной>» 1803 г.: «Есть пристань верная, есть берег безмятежный; / Там все погибшее пред нами оживет...» [Там же, с. 60]. К мифопоэтическому уровню следует отнести также христианскую и библейскую образность, по выражению Ю. П. Вышенской, «слов-символов» [5, с. 51], унаследованную автором в качестве традиции: «Святая благодать» [6, с. 60], «Провиденье» [Там же, с. 61], «хранитель-ангел» [Там же, с. 129], «ангел с пламенным мечом» [Там же, с. 266] и т.д. В поэзии Жуковского эти символы составляют «сокровищницу сакральных смыслов» [13, с. 204], определяя специфику поэзии романтизма.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что религиозная философия В. А. Жуковского унаследовала все традиции христианской культуры с ее универсализмом, основательностью, историчностью, философией, образами и художественными качествами, опорой на каноническую традицию, дидактикой, категориями культуры, жанрами, фантастичностью мира, отражением различных сфер человеческой жизни.

Воплощающая христианскую культуру религиозная философия у Жуковского включает в себя историю всего христианского мира в ее максимально приближенной к реальности интерпретации. Философия как принцип умозрительных характеристик в сочинениях Жуковского соответствует сочетанию художественной культуры, жанров, сюжетов и образов. В произведениях Жуковского религиозная философия охватывает все уровни текста, являясь частью теологической онтологии, претворенной в поэтическом творчестве, исторически восходящем к фольклору. Концепция историзма не прерывается на протяжении всего творческого пути Жуковского. Сам автор осознает себя наследником теологов-предшественников, проповедников, наставников и духовных учителей и летописцев, продолжая благородное дело средневековых монахов. Под влиянием христианской философии художественный мир и стилистика текстов Жуковского наполняются мотивами и образами религиозной культуры, литературными и риторическими приемами (метафоры, аллегории).

Список литературы

1. Айзикова И. А. «Библейские повести» В. А. Жуковского (К проблеме соотношения эстетической позиции поэта на рубеже 1810-20-х гг. с его религиозными исканиями) // Проблемы метода и жанра: сб. ст. / отв. ред. Ф. З. Канунова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1997. Вып. 19. С. 44-51.
2. Айзикова И. А. Ветхий завет и проблемы творчества В. А. Жуковского // Проблемы литературных жанров: материалы IX Междунар. науч. конф., посвященной 120-летию со дня основания Томского государственного университета (8-10 декабря 1998 г.) / отв. ред. Ф. З. Канунова, А. С. Янушкевич. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. Ч. 1. С. 90-95.
3. Веселовский А. Н. В. А. Жуковский: поэтика чувства и «сердечного воображения». М.: Intrada, 1999. 446 с.

4. **Ветхий Завет: Бытие** // Библия: Книги Священного писания Ветхого и Нового Завета на церковнославянском языке с параллельными местами. Изд. 2-е, репринт. М.: Российское Библейское общество, 2005. С. 2-3.
5. **Вышенская Ю. П.** Стилевые приметы средневекового поэтического текста (на тропеическом материале поэмы «The Pearle») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 1 (43): в 2-х ч. Ч. 2. С. 48-52.
6. **Жуковский В. А.** Полное собрание сочинений и писем: в 20-ти т. М.: Языки русской культуры, 1999. Т. 1. Стихотворения 1797-1814 годов / под ред. А. С. Янушкевича, О. Б. Лебедевой. 758 с.
7. **Жуковский В. А.** Полное собрание сочинений и писем: в 20-ти т. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. 2. Стихотворения 1815-1852 годов / под ред. А. С. Янушкевича, О. Б. Лебедевой. 839 с.
8. **Жуковский В. А.** Полное собрание сочинений и писем: в 20-ти т. М.: Языки славянских культур, 2008. Т. 3. Баллады / под ред. А. С. Янушкевича, Э. М. Жилияковой, Н. Ж. Ветшевой. 452 с.
9. **Жуковский В. А.** Полное собрание сочинений и писем: в 20-ти т. М.: Языки славянских культур, 2010. Т. 5. Эпические стихотворения / гл. ред. А. С. Янушкевич. 424 с.
10. **Жуковский В. А.** Полное собрание сочинений и писем: в 20-ти т. М.: Языки славянских культур, 2011. Т. 8. Проза 1797-1806 годов / под ред. И. А. Айзиковой и др. 607 с.
11. **Канунова Ф. З.** Евангелие в нравственно-философском, эстетическом и поэтическом развитии В. А. Жуковского // Проблемы литературных жанров: материалы IX Междунар. науч. конф., посвященной 120-летию со дня основания Томского государственного университета (8-10 декабря 1998 г.) / отв. ред. Ф. З. Канунова, А. С. Янушкевич. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. Ч. 1. С. 96-101.
12. **Канунова Ф. З., Айзикова И. А.** Нравственно-эстетические искания русского романтизма и религия (1820-1840-е гг.). Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. 304 с.
13. **Шляхова Н. А.** Основные черты современного религиозного (православного) дискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 12 (42): в 3-х ч. Ч. 1. С. 202-204.

TRADITIONS OF RELIGIOUS PHILOSOPHY IN THE CREATIVE WORK BY V. A. ZHUKOVSKY

Men'shikova Anna Andreevna
National Research Tomsk State University
menanna1366@yandex.ru

The article examines traditions of Christian religious philosophy and culture in the creative work by V. A. Zhukovsky. The study of Zhukovsky's creative work is carried out with a view to identify cultural and historical traditions of the Russian literature and poetry, origins of sentimentalism and romanticism. Traditions of Christian culture had a significant influence on Zhukovsky's creative work. In his works Christian religious philosophy covers three text levels – the level of ideas and philosophy, properly artistic level and mytho-poetical level.

Key words and phrases: religious philosophy; Christian culture; traditions; poet's creative work; genres; poetics; text levels.

УДК 81'1

Филологические науки

Статья посвящена анализу общих причин языковой эволюции, представленных в трудах знаменитого языковеда конца XIX – начала XX века И. А. Бодуэна де Куртенэ, и их интерпретации с точки зрения современной отечественной лингвистики. В работе затрагивается достаточно спорный в настоящее время вопрос о статусе внутренних причин языкового развития, с которыми и соотносятся те факторы эволюции языка, которые выделил и обосновал в своё время ученый.

Ключевые слова и фразы: эволюция языка; внешние и внутренние факторы языковой эволюции; причины языковой эволюции; типология причин языкового развития; концепция И. А. Бодуэна де Куртенэ.

Мистюк Татьяна Леонидовна, к. филол. н.
Новосибирский государственный технический университет
bakatuha@mail.ru

ОБЩИЕ ПРИЧИНЫ ЭВОЛЮЦИИ ЯЗЫКА В ТРУДАХ И. А. БОДУЭНА ДЕ КУРТЕНЭ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В СОВРЕМЕННОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ[©]

Эволюция любого естественного языка является непрерывным процессом вследствие постоянных изменений, происходящих в реальной действительности, и непрекращающегося процесса её познания человеком. Она представляет собой регулярное количественное и качественное обновление структуры и условий функционирования естественного языка. Причины и факторы языковой эволюции остаются предметом дискуссионного обсуждения в трудах отечественных и зарубежных лингвистов на протяжении XIX-XXI вв. Это связано с тем, что с начала 70-х годов XX века в мировой лингвистике окончательно закрепился исторический подход к феномену языка как к развивающемуся, динамичному по своему характеру явлению. Такой